

общегерманского гражданства и требуемая Федеральным Конституционным Судом от федерального правительства защита для всех немцев стала бы с точки зрения международного права беспредметной.

4. В мае 1989 г. в Зальцгиттере благодаря сопротивлению федеральных земель, в которых правили ХДС/ХСС, требования о ликвидации учреждений по учёту преступлений СЕПГ были провалены. Учреждения по учёту были выражением защиты уголовно-правового порядка со стороны Федеративной Республики перед преступлениями против человечности. Их документы, сегодня Учреждения по учёту были выражением защиты уголовно-правового порядка со стороны Федеративной Республики перед преступлениями против человечности. важный источник информации при разработке вопроса о противозаконности режима ГДР [19].

Доказательство безосновательности указанных инициатив Восточного Берлина активно излагалось политиками и экспертами ХСС и в ходе четвёртого этапа её германской политики, который начался после того, как эта партия вернула себе статус правительственной в 1982 г.

На этом этапе партия так же вела борьбу против подрыва требования о германском воссоединении.

Существенным моментом в деятельности ХСС стала его существенная роль в выделении Бонном ГДР трёх миллиардного кредита.

Пятый этап начался с момента октябрьской революции в ГДР. События 1989 года, которые развивались на этом этапе, дают основание утверждать об основополагающем значении заключения Конституционного Суда 1973 г. для германского воссоединения. Данное заключение явилось юридической основой внутренних аспектов строительства германского единства. В этом следует искать одну из важных причин быстрого решения задачи восстановления германского единства в 1990 г.

Таким образом, германская политика Христианско-социального союза ФРГ на всех этапах отвечала национальным интересам данной страны. По сравнению с другими западногерманскими политическими партиями она была наиболее корректной с правовой точки зрения. Ключевым аспектом вклада ХСС в восстановление германского единства явилось

заключение Федерального Конституционного Суда 1973 г. по Договору об основах отношений между ФРГ и ГДР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.

1. Oberreuter H. Konkurrerende Kooperation-Die CSU in der Bundesrepublik. // Geschichte einer Volkspartei. 50 Jahre CSU 1945-1995. Munchen: Hrsg. Hanns-Seidel-Stiftung e. V., 1995. S. 326.
2. Wahlergebnisse der CSU bei Bundestags -, Landtags- und Europawahlen // Geschichte einer Volkspartei... S 715.
3. Blumenwitz D. Bayerns Beiträge zur Deutschlandspolitik // Carstens Hrsg, Franz Josef Jtrauß. Erkenntnisse - Standpunkte - Ausblicke. München, 1985. S.197.ff
4. Die Deutsche Ministerpräsidentenkonferenz in München von 1947: München: Hrsg von der Bayerischen Staatskanzlei; 1965-S.31ff.
5. Archiv für Christlich-Soziale Politik (weiter ACSP), DS 5//34.
6. ACSP, DS 6/289.
7. ACSP, DS 9/138
8. Krieger W. Franz Josef Strauß-der barocke Demokrat aus Bayeru. Göttingen, 1995. S. 199.
9. ACSP, DS 5/115.
10. Deutscher Bundestag, 6. Waheperiode, Stenograph, Berichte Bd. SO, S. 10960; 187. Sitzung Anlage 6, Ausdruck 287.
11. ACSP, DS 5/115.
12. Ebenda.
13. Ebenda.
14. Ebenda.
15. Verordnung über Gewährleistung von Erleichterungen, Vorrechten und Befreiung an die ständige Vertretung der DDR vom 22. April 1973//BGBE 1973/S.1022ff
16. ACSP, DS 6/192.
17. ACSP, DS 7/193.
18. Grundsatzrede des Generalsekretars des ZK der SED Erich Honecker vor 250 Parteiaktivisten und Propagandisten des Bezirks Gera am 13. Oktober 1980//A.d. 6: 1980. S.23970 B.
19. Blumenwitz D. Die terroristischen Folgen des Zweiten Weltkrieges.//Archiv des Völkerrechts, Bd. 23, Heft. 1-2 (1985), S.1ff (24ff).
20. Blumenwitz D. Bayerns Beiträge zur Deutschlandpolitik...S.197ff (206 f).

УДК 304.3+316.752 + 77, 316.42, 316.4.0151.62

Яковук Т.И.

МОРАЛЬНЫЕ НОРМЫ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Приведенные в статье результаты получены в ходе социологического исследования, осуществлявшегося на базе БГТУ зимой-весной 2002 года. Респондентами являлись студенты 1-2 курса экономического факультета и факультета ВиГ.

Переход от судьбы к выбору создает новые шансы и модернизационные ловушки. С одной стороны, налицо всеобщий отход от морального кодекса, с другой, как общество мы приближаемся к черте скептицизма и морального релятивизма. Моральная кондиция белорусского социума часто переживается как состояние кризиса, аномии, крушения ценностей и великих идеалов, а свобода понимается как синоним современной ментальности. В обществе широко распростра-

нилось мнение о том, что на рубеже столетий под воздействием цивилизации постмодерна, активно транслирующей свои ценности на постсоветские страны, в том числе и Беларусь, позиции морали в социальном знании молодежи значительно ослабли. На фоне тревожных размышлений о забвении молодежью моральных регуляторов, о моральной аномии, спровоцированной не только глобализационными процессами, но и собственной трансформацией, крушением аксионормативной системы ценностей предыдущих поколений белорусов, происходит всплеск преступности, наркомании, проституции и других патологических явлений, активным участником которых является молодежь. Отсюда наш интерес к тому, какую роль играет мораль, моральные ценности и нормы в мировоззренческих позициях юных респондентов, в отдельных сфе-

Яковук Тамара Ивановна. Кандидат культурологии, доцент каф. философии и культурологии Брестского государственного технического университета, кандидат исторических наук.
Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

рах их жизни.

В своем исследовании мы обратились, прежде всего, к моральным нормам вступающей в жизнь молодежи, которые так же, как и рассмотренные выше конструкторы (*родители, народ, общественно-политическая государственная* макро-структура) тем или иным образом постоянно находят свое проявление в социальном знании каждого поколения. Разница заключается лишь в том, *какую* позицию в зависимости от содержания социального знания они занимают - центральную или периферическую. Как выявилось в ходе исследования, определение убеждений поколения, касающихся моральных норм и их значимости в жизни молодежи, стало возможным лишь после получения всесторонних данных неструктурированных интервью и различных анкет.

Полученные данные свидетельствуют о том, что моральные ценности и нормы не являются фактором поляризации молодежи, как это зафиксировано в аналогичных исследованиях, осуществленных в Польше Х.Свида-Зембой [1]. Лишь 23% респондентов признались в том, что моральные ценности составляют смысл их жизни, в то время, как 56% опрошенной молодежи поддержали суждение: *Я считаю, что объективная шкала ценностей только закрепощает людей. Человек в состоянии и без нее справиться и тогда действительно будет жить по своим критериям.* 17% респондентов его отвергли, 27% имеют иное мнение по этому поводу.

Здесь, на наш взгляд, мы имеем дело с новым цивилизационным явлением: значительная часть первого поколения системной трансформации отвергает моральные ценности, в то время, как ей противостоит незначительная часть представителей этого же поколения, возводящая моральные ценности в разряд высших и смысложизненных. О важности этой категории в социальном знании молодежи свидетельствует не сама оценка морали, а то, что она провоцирует молодежь на скорее крайние, нежели умеренные оценки. У морали, теряющей позитивную окраску, появились такие новые высоко-читимые "соседи", как *свобода, польза, удовольствие, веселье*, часто воспринимаемые как оппозиция моральных принципов. Данные интервью и анкет свидетельствуют о том, что "моралисты" и "аморалисты" отлично уживаются в одних и тех же дружеских группах. Ни один из респондентов в ходе интервью не упомянул о зависимости отношений внутри молодежных групп от отношения к моральным принципам. Этот феномен мы объясняем высокой степенью толерантности, терпимости к инаковости среди молодежи этого поколения. Так, мы расположили в анкете следующее суждение: *У меня есть собственное отношение к сексу, и оно лично для меня является важным и обязательным. Но в то же время я считаю, что если кто-либо к этому относится иначе, чем я (так, как он это понимает и чувствует), то – пожалуйста. Секс в жизни – это личное дело каждого человека*, поскольку, как видно из содержания суждения, отношение к сексу в ходе интервью как исключительно важную для себя норму характеризовали большинство из собеседников. Оказалось, что это суждение стало лидером анкеты. Его поддержали 99% респондентов!

Коллективная поддержка тех, кто нарушает моральную норму, являющуюся для многих лично обязательной и особенно важной, подтверждает выдвинутый нами ранее тезис о толерантности по отношению к людям с другим мировоззрением и иными убеждениями, в том числе в сфере морали. Такая толерантность как со стороны юношей, так и девушек, как людей глубоко религиозных, так и тех, кто невысоко оценивает религиозные ценности, объясняет, почему убеждения, касающиеся секса и вообще моральных норм, не влияют на взаимоотношения, складывающиеся в дружеских группах, на состав дружеских молодежных групп.

Знаменательно также и то, что моральные позиции этого поколения молодежи не являются осью синдрома убеждений,

а отношение к различным ценностям в значительной степени коррелирует с рядом других убеждений. Отсюда следует вопрос: почему моральные убеждения, практически не поляризующие молодежные группы, являются также малозначимыми в оценке различных ценностей. Из свободных интервью следовало, что те из наших собеседников, кто относил себя к *моралистам*, не смогли точно сформулировать моральные принципы, которые лично для них служат жизненно важными ориентирами. Те моральные принципы, которые ими упоминались, функционируют в контексте обычного, неуглубленного сознания. Создавалось впечатление, что это не та проблема, над которой они размышляют. Отсутствие глубокой рефлексии, связанной с моральной проблематикой, свидетельствовало об отсутствии у молодых собеседников внутренних преград в реализации моральных принципов и понимания того, то в жизни часто встречаются антиномии морали, складываются ситуации, в которых приходится делать выбор не в пользу моральных, а иных ценностей.

Безрефлексийность и безпроблемность при обсуждении моральных тем значительно отличает молодежь этого поколения даже от молодежи "перелома", часто затрагивавшей и продолжающей затрагивать тему сложности реализации моральных принципов в нашем *холодном, жестоком и безнравственном* мире. Отсутствие моральной рефлексии объясняет, почему моральные убеждения слабо коррелируют с отношением ко многим ценностям, поскольку то, что естественно и непроблематично, не переживается настолько сильно, чтобы сказываться на других убеждениях.

В свете полученных в ходе исследования данных нам было не понятно, играет ли аксионормативная структура ведущую роль в регуляции психических процессов и способов действия респондентов *моралистов*? И наоборот. Действительно ли респонденты, отрицающие значимость моральных принципов, в своих психических процессах и поступках отличаются от тех, кто утверждает, что нарушение моральных норм лишает их жизнь смысла? И так, поскольку мы не были уверены в том, что в интервью и анкетах мы имеем дело с действительным выражением молодежью своих убеждений, а не декларативной реакцией на определенные вербальные ситуации, правдоподобным казалось предположение, что у молодежи могут функционировать специфические нормы, нарушение которых вызывает осуждение или укоры совести в зависимости от того, кто явился их нарушителем. Это достаточно важные моральные нормы, но в ситуации отсутствия моральной рефлексии молодежь не в состоянии их вербализовать и затронуть в беседе. В ходе проводившихся интервью оказалось, что большинство респондентов полностью отрицает семь поступков. Два из них носят характер коррупции (на этом фоне не случайно на первый план требований, выдвигаемых к политикам, выходят порядочность и честность). В этой семерке оказались нормы защиты частной жизни. Так, 86% опрошенных осудили ситуацию, в которой *мать читает личные письма дочери*. Лишь 5% приняли во внимание материнскую тревогу и страх за дочь, которая может попасть под влияние "дурной" компании, связаться с наркотиками и прочими неприятностями. Знаменателен и тот факт, что 76% осуждают подобную ситуацию, в которой *папарацци получают фотоснимки из личной жизни знаменитых людей, а затем публикуют без их согласия*. Наконец, 60% осуждают следующую ситуацию: *подруга поделилась по секрету с Татьяной личными проблемами, с которыми не могла справиться самостоятельно. Татьяна, желая помочь, поговорила на эту тему с ее близкими*. Вполне логично было бы предположить, что широкое осуждение этого поступка вызвано важностью фактора *дружбы*, а не *частной жизни*, если бы не следующая ситуация: *Дмитрию предложили работу, которая была очень нужна его другу Андрею. Дмитрий охотно принял это предложение*. Данная ситуация вызвала осуждение лишь 9%

опрошенных, но была поддержана 64% респондентов. Мы считаем, что сопоставление этих двух результатов, в которых присутствуют ценности *дружбы*, а также то, что фотокорреспондент встречается с большим осуждением, чем подруга, с наилучшими намерениями нарушившая чужую частную жизнь, свидетельствует об огромной важности для молодежи этого поколения сферы частной жизни и тех норм, которые ее охраняют.

Знаменательна в этом отношении поддержка юными респондентами следующего суждения: *Больше всего меня поражает вторжение в личное пространство другого человека, распрашивание, раздача советов. Пусть каждый живет и думает, как хочет, это его личное дело (70%)*. Здесь следует подчеркнуть, что поддержку молодежи встречает не только охрана собственного личного пространства, но оно, в сущности, отвергается вторжение в частную жизнь другого человека.

Исходя из вышесказанного, следует, что молодежь первого поколения системной трансформации хоть и не артикулирует ценностей частной жизни, однако защита и нерушимость личного пространства человека ценятся ею особенно высоко. Если сравнить это поколение с поколением молодежи 70-х, фактически отцов наших респондентов, то у поколения того времени ценность защиты частной жизни не была важной. В ситуации "моды" на открытость по отношению к ближним она являлась симптомом психического нездоровья и недоверия к людям, скрытость же в то время считалась своеобразным личностным дефектом.

Трансформация этой ценности понимается нами как буеранговая реакция на смену культурных констант, проходящую в Беларуси. Современную цивилизацию, втягивающую в свое пространство и Беларусь, можно определить как экзигибционистскую [2]. Достаточно только обратить внимание на количество транслируемых в телевизионном эфире различных видов секса, умирания, бесконечных ток-шоу, подробно обсуждающих интимные подробности личной жизни, страха и отчаяния. Однако можно зафиксировать, что на фоне цивилизации, срывающей покровы тайн и таинств, в белорусском трансформирующемся социуме вызывает молодое поколение, одна из важнейших ценностей которого заключается в защите частной жизни. Причем, несмотря на то, что эта моральная норма функционирует в скрытом сознании, не вербализируется в разговорах молодежи, она соблюдается и высоко читается теми, кто моральные ценности отвергает, и теми, для кого они составляют, по собственному признанию, смысл жизни.

Определенные данные исследования явились предпосылкой для формирования тезиса о том, что категория *мораль* функционирует у молодежи одновременно в двух различных пространствах. Основанием для данного тезиса явились, с одной стороны, сравнения результатов исследований, связанных с цитировавшимся высказыванием о толерантности к различным взглядам и поведению, связанному с сексом, и результатами исследования, связанными с высказыванием: *Я не люблю никого оценивать, даже тогда, когда, с моей точки зрения, мне кажется, что человек сделал нечто плохое. Я думаю, что мы не должны быть судьями наших ближних*. На фоне всего проанализированного выше казалось, что данное высказывание будет пользоваться наибольшей популярностью среди наших респондентов. Однако 24% не поддержали это суждение, 24% воздержались от однозначной оценки, а большинство хоть и уверенно поддержало его, но большинство это незначительное (51%) и находится оно в рамках статистической погрешности.

Отсюда следует, что молодежь терпима к различным точкам зрения, также, как и к сексуальному поведению, которое лично для себя считают важной ценностью, но значительно менее терпима к чужим поступкам, которые оценивает как

совершенное зло. В свете всего вышесказанного можно сделать неожиданный вывод о том, что моральный пермисивизм не является отличительной чертой лишь этого поколения. Но интересно то, что степень толерантности к сексуальному поведению, как и толерантности к тем, кто совершает *плохие* поступки, коррелирует с уровнем нетерпимости к *обсуждению людей за их спиной*, а также уровнем *интереса и симпатии к людям, отличающимся оригинальными взглядами и поведением*. Но на этом сходство заканчивается. Оценивая факторы корреляции с другими суждениями, мы пришли к выводу о том, что каждое из них вписывается в иной контекст. Так, терпимость к "плохим" поступкам связана с избеганием всяких напряженностей и конфликтных ситуаций, стремлением к расширению сферы внутренней жизни и свободы, с общей доброжелательностью и верой в человека, с желанием понять и простить другого.

Терпимость к сексуальному поведению связана с тенденцией креации собственной веры, религиозной терпимостью, защитой частной жизни, нетерпимостью к нормам, навязываемым обществом, тенденцией к защите собственного мнения.

На этом основании можно утверждать, что терпимость этого поколения молодежи к "плохим" поступкам является в определенном смысле результатом ее афiliationно-альтруистических убеждений с акцентом на углубление внутренней, духовной жизни. Толерантность к чужим мнениям и взглядам связана с индивидуалистическим "бунтом", уважением к частной жизни, отвержением институтов и авторитетов, с защитой собственного Я.

Если мы вслед за Х.Свида-Земба согласимся с тем, что терпимость к сексуальному поведению является показателем толерантности к различным моральным кодексам или к отсутствию таковых, то в этом случае можно сделать вывод о том, что терпимость к чужим взглядам, поступкам коренится в афiliationных убеждениях, а источником толерантности к моральным воззрениям людей является отношение к защите частной жизни, ценностям индивидуализма. Исходя из выше изложенного, можно предположить, что категории "мораль", "моральный кодекс личности" и "плохие поступки" в социальном знании молодежи функционируют в ином смысловом пространстве. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что, когда молодежь размышляет о морали, моральных поступках, моральном кодексе, то она находится в смысловом пространстве, которое можно назвать *индивидуализмом* [3]. Категория "мораль" и связанные с ней ценности, убеждения, представления в социальном знании первого поколения молодежи периода системной трансформации понимаются как свойственный каждому индивидуальный комплекс норм, которые признаются и которым стремятся соответствовать. Доминантой смыслового пространства в этом случае является неповторимая индивидуальность человека и его личный мир.

Размышляя о "плохих" поступках, молодежь переносится в смысловое пространство "универсальных" норм, основное назначение которых заключается в регуляции общественных отношений. Такие поступки в понимании молодежи ассоциируются со страданием, болью, обидой, нарушением личного пространства, непорядочностью.

Насколько толерантность по отношению к широкому спектру моральных кодексов (в том числе и тех, что касаются секса) может основываться на уважении к оригинальности, индивидуальности, личному, уважению права каждого человека на собственный выбор, настолько толерантность к "плохим" поступкам может быть результатом афiliationных убеждений, предполагающих взаимопонимание и доброжелательность, которым сопутствуют сочувствие и прощение.

Подводя итог вышесказанному, еще раз отметим двойственность отношений к морали, выступающую в социальном знании молодежи первого поколения системной трансформа-

ции. С одной стороны, молодежь понимает мораль как индивидуальную "линию жизни", но, с другой стороны, определенные поступки оцениваются ею по "универсальным" критериям. Такая некогерентная раздвоенность объясняется, с нашей точки зрения, отсутствием моральной рефлексии, поскольку многие кажущиеся противоречивыми убеждения в условиях отсутствия моральных размышлений мирно сосуществуют, не сталкиваются друг с другом, не ведут к познавательному конфузу, не вызывают сложных коллизий. Мы считаем, что некогерентность по отношению к моральным нормам и их одновременное восприятие в двух различных

перспективах являются феноменом, характеризующим социальное знание именно этого поколения белорусской молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Świda-Ziemia H. *Obraz świata i bycia w świecie* Warszawa 2000, s. 163.
2. Świda-Ziemia H. *Obraz świata i bycia w świecie* Warszawa 2000, s. 178.
3. Świda-Ziemia H. *Obraz świata i bycia w świecie* Warszawa 2000, s. 182.

УДК 37.013.73

Лукьянцева А.В.

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ГЕНЕЗИС

Рассмотрение понятия личностно-ориентированного образования следует начать с его анализа. Структура этого понятия включает в себя понятия личности и образования. Целесообразно проследить генезис каждого из вышеуказанных терминов в отдельности и на основании дальнейшего синтеза сформулировать понятие личностно-ориентированного образования в целом.

Понятие личности рассматривается в рамках психологии, философии, педагогики и других смежных дисциплин. Так, известный психолог А.А. Леонтьев определяет личность как «... особое качество, которое приобретает индивидом в обществе, в совокупности отношений, общественных по своей природе, в которые индивид вовлекается...» [3]. В энциклопедическом словаре по психологии личность видится как «человек, который является сознательным членом общества, с индивидуальным складом особенностей характера и интересов, темперамента и способностей, а также других черт и качеств» [9]. У психолога и философа XX в. Э. Фромма под личностью понимается «... целостность врожденных и приобретенных психических свойств, характеризующих индивида и делающих его уникальным» [7]. Для философа М. Мамардашвили личность – «это ... особое состояние жизни, находка ее эволюции». Человеческая личность – это «сложнейший сплав физических и духовных сил, мыслей, чувств, воли, характера, настроений» [4]. В целом понятие личности относится к числу сложнейших в человекознании. Так в учебнике по философии под редакцией В.П. Кохановского, изданном в 1997 году, понятие личности рассматривается с точки зрения анализа ее структуры. Таким образом в структуре личности выделяются физическая, социальная и духовная составляющие. Правда, это деление условно, так как все эти стороны личности образуют систему, каждый из элементов которой может на разных этапах жизни человека приобретать доминирующее значение. [8] В.А. Сухомлинский определяет личность как «сложнейший сплав физических и духовных сил, мыслей, чувств, воли, характера, настроений» [6] Таким образом следует отметить, что под личностью подразумевается некая система качеств индивида (как врожденных, так и социально обусловленных), которая складывается в результате его жизнедеятельности. То есть личность не рождается, а становится в результате активного взаимодействия с окружающим миром и людьми.

Если рассматривать понятие образования, то следует изучить следующие концепции. В педагогике образование – «это процесс и результат овладения учащимися системой научных знаний, умений и навыков, формирования на их основе миро-

воззрения, нравственных качеств личности, развития ее творческих сил и способностей. [5] У И.С. Якиманской образование определяется как «не только обучение (воспитание), но и учение, как особая индивидуальная деятельность ученика» [11]. Современный белорусский философ, профессор Латыш Н.И. в своей монографии рассматривает институт человека на всем его жизненном пути и во всех сферах жизнедеятельности» [2]. Он же подчеркивает то, что «образование является самоценностью, духовным благом личности, но оно также должно удовлетворять и экономические, социальные, культурные потребности общества, обеспечивать его развитие на основе достижений научно-технического прогресса, социально-политических, экономических, технологических и гуманитарных наук, способствовать расцвету литературы и искусства, возвышению нравственности [2]. В то же время образование – «это становление мировоззрения, миропонимания и мироощущения человека, его самореализация в обществе, природе, космогенезе» [2]. То есть, образование – это не приобретение готовых результатов, а прохождение того пути открытий и исследований, который к ним приводит. Образованность, в конечном счете, - это как бы духовная целостность человека, требующая для своего создания мучительных поисков, огромных усилий и напряжения, постоянной работы. Именно отсюда вытекает особая значимость в образовании самообразования и самовоспитания, самоотвержения и самостроительства человека, его способностей создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется себестоимость и самостояние человека, обеспечивается его свобода в постоянно меняющихся условиях. Исследователь Б.С. Гершунский решает вопрос об определении понятия «образование» многосторонне. Оно выступает как ценность, система, процесс и как результат. [1]. При этом ценность образования выражается в его государственной и личностной ценности. Системность образования открывается в том факте, что оно является открытой, самоорганизующейся, способной к самопознанию (рефлексии), количественному и качественному обогащению, перманентному преобразованию. И, наконец, образование как процесс – это наука и искусство педагогической деятельности. В современной западной философии также существуют различные подходы к определению образования. М. Шелер, к примеру, считает, что образование есть форма бытия, а не знания или переживания. [8]. Это форма не материального вещества, как это имеет место в скульптуре или картине, а отчуждение, оформление живой целостности в форме времени как целостности, состоящей из ряда последовательностей, из протекания процессов, из активностей. И

Лукьянцева А.В. Ассистент каф. философии и культурологии Брестского государственного технического университета, кандидат исторических наук.

Беларусь, БГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.